

Финько Ольга Сергеевна

О СЕМАНТИКЕ ПОЛОТЕНЦА В КУБАНСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Статья посвящена этнолингвистическому изучению наименований и ритуального использования полотенца в кубанской обрядности. С целью выявления новообразований и общеславянских черт семантика полотенца, реализуемая в текстах семейных обрядов Кубани, рассматривается на фоне материнских (украинской и южнорусской) и родственных обрядовых традиций. Кроме того, в работе предпринята попытка на примере полотенца как элемента предметного кода кубанских семейных обрядов проследить системные связи внутри всего обрядового цикла.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 195-198. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Белинский В. Г.** Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: АН СССР, 1953. Т. 1. 574 с.
2. **Белинский В. Г.** Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: АН СССР, 1955. Т. 9. 804 с.
3. **Виноградов В. В.** Гоголь и натуральная школа // Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. С. 191-227.
4. **Гоголь Н. В.** Петербургские повести. Серия «Литературные памятники» / изд. подгот. О. Г. Дилакторская, отв. ред. С. А. Фомичев. СПб., 1995. 295 с.
5. **Гоголь Н. В.** Полное собрание сочинений: в 14-ти т. М. – Л.: АН СССР, 1938. Т. 3. 728 с.
6. **Гуковский Г. А.** Реализм Гоголя. М. – Л.: ГИХЛ, 1959. 531 с.
7. **Маркович В. М.** Балладный мир Жуковского и русская фантастическая повесть эпохи романтизма // Жуковский и русская культура. Л.: Наука, 1987. С. 138-166.
8. **Маркович В. М.** Петербургские повести Н. В. Гоголя. Л.: Художественная литература, 1989. 205 с.
9. **Филонов Е. А.** Граница «вымысла» и «реальности» в эволюции сказового повествования Н. В. Гоголя // Русская литература. 2013. № 3. С. 5-16.
10. **Филонов Е. А.** Повествование Н. В. Гоголя: история и перспективы изучения // XLI Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 26-31 марта 2012 г.: избранные труды / отв. ред. А. С. Асиновский, С. И. Богданов. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 197-205.

**FROM "ARABESQUES" TO "ST. PETERSBURG STORIES":
ON THE PROBLEM OF THE EVOLUTION OF GOGOL'S NARRATION**

Filonov Evgenii Anatol'evich
Saint Petersburg State University
philonove@mail.ru

The article is devoted to the problem of the evolution of N. V. Gogol's narrative poetics in the works of the end of the 1830s – the beginning of the 1840s. The progress of Gogol's individual artistic system and the transformations of his narrative purposes are considered in the context of the process of realistic narration principles formation in Russian literature.

Key words and phrases: Russian literary process; Gogol's creativity; poetics of narrative; eventness; reader; communicative strategies of narration; literary age.

УДК 81

Филологические науки

Статья посвящена этнолингвистическому изучению наименований и ритуального использования полотенца в кубанской обрядности. С целью выявления новообразований и общеславянских черт семантика полотенца, реализуемая в текстах семейных обрядов Кубани, рассматривается на фоне материнских (украинской и южнорусской) и родственных обрядовых традиций. Кроме того, в работе предпринята попытка на примере полотенца как элемента предметного кода кубанских семейных обрядов проследить системные связи внутри всего обрядового цикла.

Ключевые слова и фразы: этнолингвистика; предметный код; обрядовый текст; семейная обрядность; семантика; символ.

Финько Ольга Сергеевна, к. филол. н.

Кубанский государственный университет, филиал в г. Славянск-на-Кубани
kucherenko07@yandex.ru

О СЕМАНТИКЕ ПОЛОТЕНЦА В КУБАНСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ©

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Культурно-языковая специфика семейной обрядности Кубани как территории вторичного заселения» (грант № 14-34-01230).

Семейная обрядность Кубани формировалась относительно поздно на базе украинской и южнорусской обрядовых традиций. В целом исконные обряды кубанского населения и обрядовая терминология показали себя мало подверженными законам интерференции, им присущи характерные черты обеих материнских традиций. Унаследовала кубанская обрядность и такую особенность общеславянской традиции, как системная организация и всего обрядового цикла, и каждого ритуала.

Исследователи славянской традиционной культуры давно обратили внимание на то, что обряды жизненного цикла сходны друг с другом по структуре и символике. Такая взаимосвязь обусловлена главной функцией

семейных обрядов. Каждый из них направлен на «сотворение» человека в новом образе, на обеспечение успешного «перехода» члена общества из одного социального статуса в другой или из этого мира в иной.

Системная организация семейной обрядности предполагает прямую либо косвенную связь ее составных элементов. В семиотическом аспекте, полагают этнолингвисты, обряд представляет собой «текст», состоящий из особых знаковых подсистем, условно называемых кодами, каждый из которых включает свой набор однотипных единиц (знаков). Спецификой культурного (обрядового) текста является его разнокодность. Обряды жизненного цикла включают, как правило, персонажный, предметный и акциональный коды. Можно также выделить пространственный, временной, вербальный, пищевой, цветовой, растительный, знаковый и другие коды [4; 5; 11; 14]. Взаимодействующие друг с другом коды «используются в обрядовой коммуникации и участвуют в порождении обрядовой семантики, причем нередко один и тот же смысл может дублироваться в обряде несколькими семиотическими средствами одновременно» [4, с. 268]. Структура и семантика разных кодов образуют семантическое пространство обряда – обрядовую реальность [Там же].

В рамках данной статьи рассмотрим полотенце как элемент предметного кода кубанских семейных обрядов. В работе предпринята попытка проанализировать значения этого символа в текстах семейных обрядов, проследить на его примере системные связи внутри одного обряда и внутри всего обрядового цикла, а также отметить частности в ритуальном использовании полотенца на Кубани.

Итак, полотенце – предмет не только повседневного, утилитарного, но и ритуального назначения. Для наименования этого атрибута на Кубани используется общелитературное слово *полотенце* или южнорусское *рушник*, кубанское *рушнык* (соответствует украинскому *рушник*). Специальных обрядовых названий для этой реалии не существует. В кубанской семейной обрядности полотенце употреблялось в разных ситуациях: на крестинах, в обряде проводов на службу, на свадьбе, на похоронах. Полотенцем украшали иконы, оборачивали хлеб, его вешали на кресты, ворота, преподносили в качестве дара, перевязывали участникам действия через плечо.

В любом обрядовом употреблении полотенце наделялось символическим значением. В кубанской традиции рушник использовался в качестве отличительного знака некоторых обрядовых персонажей. Так, казака, которого провожали на службу, перевязывали рушником. Полотенцем перевязывали правую руку жениха. Свадебному свату повязывали полотенце через плечо. Старосты на Кубани шли сватать невесту с повязанными через плечо рушниками – *Ужэ оны догадуоця, батькы, шо цэ прыйшылы дивчину сватать. Бо потому шо старосты прыходють пэрэвязанымы рушныкамы* (Стежко М. С., 1923 г. р.). Надо полагать, обычай повязывать полотенце мужчинам, которые идут сватать девушку, является кубанским новообразованием. В родственных обрядах полотенцем одаривали или перевязывали сватов только в знак согласия на брак в доме невесты. Однако известно, что на Украине в знак полномочия отец жениха давал старостам по посоху, который, очевидно, можно считать эквивалентом полотенца в кубанской традиции на данном этапе обряда [13, с. 486].

Как и в обрядах материнских традиций, в кубанском свадебном обряде дарение сватам полотенца было выражением согласия на брак. На сватовстве мать невесты перевязывала старост специально приготовленными для этой цели полотенцами. В исходной малорусской обрядности, по свидетельствам этнографов, невеста подносила старостам рушники, вышитые красным шелком, и старосты перевязывали их себе через плечо [Там же, с. 495–496]. Также был известен обычай, когда невеста сама повязывала каждому свату через плечо вышитый рушник и совала жениху за пояс вышитый платок. Богато вышитое полотенце для сватов на Украине называлось *плечеви'й рушни'к* [3, т. IV, с. 91]. В южнорусской свадьбе в завершение сватовства невеста также перевязывала всех присутствующих мужчин рушниками, а женщин – ситцем [8, с. 22].

В семейной обрядности Кубани полотенце наделялось семантикой благополучия. На сватовстве и в обрядах благословения молодых и обмена хлебом полотенце употреблялось для покрывания свадебного хлеба – *Прыйшылы старосты... Кладуть хлибыну пэчэну. Хлибына на рушныку. Так повэждено, шоб диты нэ бедни булы* (Мороз Е. И., 1936 г. р.). В приведенном примере информант подчеркивает, что полотенце является неким магическим объектом, способствующий благополучию и богатству молодых. Известно, что на Украине свадебный каравай накрывали крестообразно двумя полотенцами (*утиральниками*) и ставили на середину стола [13, с. 526] либо обортывали длинным полотенцем [12, с. 148]. Надо отметить, что в народном представлении признак *покрытый* отождествляется с «богатый», признак *голый* оценивается отрицательно и обнаруживает значение «бедный».

Общеславянской традицией является использование полотенца в обрядах «перехода» в качестве дара. В зависимости от ситуации дарения полотенце здесь наделялось символикой доли или пути, иногда защиты. По традиции на Кубани родители молодых готовили столько рушников и платков, чтобы на свадьбе можно было одарить весь свой род. Как правило, рушники повязывали через плечо мужчинам, платки – женщинам – *Хоть сто душ гуляе. Мужчин вьязалы полотенычкамы. Жэницин вьязалы платкамы. Хочь платок, хочь на платя, чим могли родители* (Панасенко А. И., 1923 г. р.). В украинской свадебной традиции тесть подносил сваткам, свахам и боярам жениха платки, старостам – рушники [10, с. 127]. После брачной ночи родители одаривали всех гостей рушниками и платками [13, с. 533]. В русском обряде невеста должна была одаривать полотенцами всю родню жениха, а в день свадьбы в доме молодой длинным полотенцем с вышитыми концами, спускающимися до земли, перевязывали через плечо дружку [9, с. 241]. Очевидно, в славянском обычае одаривать полотенцами весь род реализована символика доли.

По кубанскому обычаю на мероприятии, посвященном проводам казака на службу, крестная мать или крестный отец, иногда родной отец перевязывали его крест-накрест рушниками [2]. В этом действии, надо полагать, полотенце выполняет защитную функцию, что навеяно христианскими мотивами. В современной обрядовой практике Кубани все еще можно наблюдать, как гости перевязывают призывника полотенцем, желая при этом хорошей службы. Кроме того, нам приходилось быть свидетелем обычая выбрасывать

полотенце на дорогу из окна автомобиля, в котором призывника везут в военкомат. Участники действия объясняют его значение: «На счастливую дорожку!». Несомненно, в этом обрядовом акте полотенце надеется символикой пути и благополучия.

В погребальной обрядности на Кубани, как и у всех восточных славян [12, с. 149], полотенце связано с семантической темой *смерь – путь*. И сегодня в станицах соблюдаются обычаи вешать полотенца на крест, который несут впереди похоронной процессии, на полотенцах опускают гроб в могилу, затем их разрывают и отдают могильщикам, в поминальные дни принято раздавать полотенца. По мнению О. А. Седаковой, само действие «передать» полотенце в похоронной обрядности славян наделено семантикой «доли», «дележа» (а не семантикой «жертвы», например, как в передаче хлеба), сопряженной с семантикой пути, осложняющей общий смысл акта [11, с. 124].

Символика пути видна в обрядовом действии – вести главных персонажей обряда за полотенце или платок. В славянской свадьбе ведение новобрачных с помощью этих реалий совершалось неоднократно. Так, в украинской традиции, являющейся исходной для кубанской традиционной культуры, на заручинах молодую подводили к молодому за конец красного платка (*хустки*), за который она держалась [6, с. 627]. Дружку за платок вел молодых на почетное место, где была расстелена меховая шуба [7, с. 334]. На Кубани с помощью полотенца или платка родители после венчания заводили молодых в дом, или во время свадебного пира староста заводил их на посад – *Як прыйїзжає поїзд, привозять невесту, беруть за полотеничко. Ця староста, тай дружкови можна, платочок. Беруть вонь платочок и вин їх обво'дэ тры раза круго'м сто'ла* (Панасенко А. И., 1924 г. р.). Полотенце или платок использовали, чтобы вывести молодых со двора – *Матэ виводэ платочком. Туди йдуть. Винчаюця* (Слабая Е. Г., 1941 г. р.). Близкий по содержанию обычай существовал в обрядности, сопровождавшей проводы на службу: мать неженатого казака выводила со двора коня «через платочек за уздечку» с пожеланием, чтобы сын вернулся обратно на коне [2]. В этих обрядовых действиях снова находит отражение семантическая оппозиция *голый – покрытый*.

Ритуальное действие ведения за полотенце (платок) может тем не менее свидетельствовать о семантической связи обычаев свадебного цикла и проводов на службу с погребальной обрядностью. Показательно, что действие совершалось в кульминационный момент обряда, а именно в момент ритуального «умирания» и «возрождения» в новом качестве. Как известно, в погребальной обрядности время непосредственного контакта с умершим может быть особенно опасно [12, с. 112]. В то же время считалось, что физический контакт с лицами, совершающими переход, может нарушить его правильный ход. Об этом может свидетельствовать также запрет для новобрачных в день свадьбы приветствовать кого-либо за руку. Таким образом, в ведении обрядовых участников с помощью полотенца этот атрибут использовался для изолирования их от окружающих и наделялся не только семантикой пути, но и защиты.

В кубанских семейных обрядах полотенце наделялось также гендерной семантикой. Как не раз отмечалось выше, полотенце использовалось для одаривания обрядовых участников мужского пола, в то время как платок предназначался для женщин. Следовательно, эта реалья реализует мужскую символику. Однако, как элемент материальной культуры, полотенце может воплощать и женскую символику. Так, во многих славянских свадьбах при благополучном исходе брачной ночи невеста развешивала свои полотенца в доме. На Кубани этот обычай также известен – *Невеста утром рано устае, виша свое полотенце, дэ вмываюця* (Березина А. Г., 1920 г. р.). В родственном украинском обряде утром второго дня молодая поливала на руки боярам и дружкам из ковша и давала по ручнику, который они повязывали себе через плечо [10, с. 142]. По мнению Т. А. Бернштам, вешая свои полотенца, невеста метила водные места нового жилища, «что на мировоззренческом плане символизировало умилоствление местных духов и ее переход в порождающее (плодоносящее) состояние» [1, с. 218].

Таким образом, полотенце как элемент предметного кода кубанских семейных обрядов является важным семиотическим средством, участвующим в порождении обрядовой реальности. Тот факт, что одни и те же значения этого символа (защита, путь, доля, благополучие, плодородие) могут прочитываться во всех кубанских обрядах жизненного цикла, свидетельствует о его системной организации, не утраченной в ходе адаптации исходных малорусских и южнорусских обрядов на территории Кубани.

Список литературы

1. Бернштам Т. А. Хитро-мудро рукодельице (вышивание-шитье в символизме девичьего совершеннолетия у восточных славян) // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. Т. 47. С. 191-249.
2. Воронин В. В. Проводы казака на службу в кубанской традиции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slavakubani.ru/culture/rites-life-cycle/detail.php?ID=5301> (дата обращения: 05.03.2014).
3. Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка: в 4-х т. Киев, 1907-1909.
4. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.
5. Гура А. В. Соотношение и взаимодействие акционального и вербального кодов свадебного обряда // Славянский и балканский фольклор: семантика и прагматика текста. М.: Индрик, 2006. С. 268-280.
6. Жайворонок В. Знаки української етнокультури: словник-довідник. Киев: Довіра, 2006. 703 с.
7. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.
8. Ларина Л. И. Терминология свадебного обряда Курского региона в этнолингвистическом аспекте: дисс. ... к. филол. н. Курск, 1990. 241 с.
9. Лебедева А. А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX-XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 229-247.
10. Маркевич Н. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860. 174 с.
11. Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.

12. **Славянские древности:** этнолингвистический словарь: в 5-ти т. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4.
13. **Терещенко А. В.** Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. II. 617 с.
14. **Узенева Е. С.** Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. М.: Индрик, 2010. 280 с.

ON THE SEMANTICS OF A TOWEL IN THE KUBAN FAMILY RITES

Fin'ko Ol'ga Sergeevna, Ph. D. in Philology
Kuban State University (Branch) in Slavyansk-na-Kubani
kucherenko07@yandex.ru

The article is devoted to the ethnolinguistic study of nominations and ritual use of a towel in the Kuban rites. With a view to identify the neologisms and universal Slavonic features the semantics of a towel realized in the texts of Kuban family rites is investigated against the background of the maternal (Ukrainian and South Russian) and related ritual traditions. In addition, the paper makes an attempt to observe the systemic relations inside all the ritual cycle by the example of a towel as an element of objective code of Kuban family rites.

Key words and phrases: ethnolinguistics; objective code; ritual text; family rites; semantics; symbol.

УДК 811.11-112

Филологические науки

В данной статье была сделана попытка определения роли феномена креолизации в понимании текста. Неоспоримым признан тот факт, что креолизация играет важную роль в жизни современного общества, однако иногда наличие в тексте элементов креолизации способно сузить границы понимания текста. Были разграничены понятия вербальной, невербальной и ментальной креолизации текста, а также рассмотрена их роль в понимании текста.

Ключевые слова и фразы: креолизация; поликодовый текст; вербальная креолизация; невербальная креолизация; ментальная креолизация.

Фиськова Марина Викторовна

Оренбургский государственный педагогический университет
amberina87@mail.ru

РОЛЬ КРЕОЛИЗАЦИИ В ПОНИМАНИИ ТЕКСТА ©

В связи с увеличением роли визуальной информации, развитием новых технических средств коммуникации специалисты вынуждены все чаще говорить о так называемом «кризисе вербального текста», его вытеснении образными визуальными сообщениями. Основное отличие вербальной коммуникации от невербальной заключается в том, что вербальная коммуникация строится при помощи тех или иных заранее установленных элементов. Н. Хомский говорил о том, что, используя возможности естественного языка, мы можем построить бесконечное число высказываний из конечного числа элементов [4, с. 433]. С другой стороны, характерной чертой визуального способа передачи информации является как раз отсутствие определенного набора заранее установленных элементов, из которого может быть построено то или иное сообщение. Таким образом, поскольку процесс визуальной коммуникации не требует знания определенного набора тех или иных элементарных единиц, данный способ общения может быть признан универсальным, интернациональным и не нуждающимся в метаязыковом переводе. Данная особенность визуального канала коммуникации широко используется авторами зарубежных учебников и различного рода пособий по иностранному языку, которые в качестве языка перевода используют язык фотографий, карикатур и иллюстраций, что делает возможным использование данного пособия во многих странах, независимо от родного языка обучающихся.

Таким образом, в настоящее время кроме собственно лингвистических средств выражения, особую популярность приобретают паралингвистические средства [3, с. 154]. Сегодня объектами многих исследований являются так называемые «креолизованные» или поликодовые тексты.

Согласно определению, под креолизованным текстом подразумевается текст, фактура которого состоит из двух разнородных частей (вербальной, то есть языковой) и невербальной (то есть принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) [1, с. 12]. Однако независимо от того, насколько мы отдаем себе в этом отчет, процесс мышления в нашем сознании осуществляется не с помощью слов, а с помощью образов, то есть в нашем сознании при любой попытке сформулировать ту или иную мысль присутствуют элементы креолизации. Исходя из этого, мы считаем необходимым уточнить термин «креолизация» и ввести такие понятия как ментальная креолизация, вербальная креолизация и невербальная креолизация. Вербальная креолизация представляет собой механизм, с помощью которого автор придает своему тексту образность и выразительность. Вербальная креолизация имеет место при составлении автором описания